

**О «ЗАКОНАХ ИСТОРИИ»:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДМЕТА
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
В МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
50-х — 80-х ГОДОВ XX в.**

В 50—80-е годы марксистская историография характеризовалась повышенным вниманием к теоретическим вопросам научного познания, среди которых одно из центральных мест занимала проблема предмета исторической науки, рассматривавшаяся в нескольких аспектах. Мы остановимся в общих чертах на одном из них — проблеме специфических «исторических законов». В развернувшейся «дискуссии» приняли участие ученые из СССР, Болгарии, Польши и др. Придерживаясь традиционного для марксистской научной школы деления наук на общие и частные и относя историю к наукам, ряд ученых несколько сместили акценты по сравнению с предыдущим периодом, утверждая, что исторический материализм изучает общество в целом, а остальные общественные науки, включая и историю, — его отдельные стороны¹. Традиционно под целым понималась не только формационная структура общества, но и весь процесс его развития и, соответственно, под «частью» подразумевались не только элементы, стороны формационной структуры, но и периоды, этапы процесса развития. Отсюда и история относилась к частным научным дисциплинам как наука, изучающая частные законы, т. е. законы, действующие на определенных этапах, в определенные периоды, эпохи развития общества². Во вновь появившихся исследованиях история стала относиться к частным наукам уже как наука, изучающая отдельные стороны жизни общества, т. е. получалось, что содержание понятия «целого» суживалось до формационной структуры общества и история, как частная наука, оказывалась в одном ряду с такими общественными дисциплинами как политэкономия, правоведение, политология и т. п.

Именно так это было понято другими учеными, что естественно, вызвало у них возражения, которые свелись к двум основным положениям: 1) история, как и исторический материализм, изучает общество в целом, поэтому ее нельзя отнести к частным дисциплинам; 2) отличаются же история и исторический материализм тем, что исторический материализм изучает общие законы развития общества (частные законы изучаются частными общественными дисциплинами), а история изучает конкретный ход исторического процесса со всеми его зигзагами и случайностями, конкретные условия, в которых реализуются общественные законы³. Подобный подход нарушал, однако, основополагающий принцип марксизма: наука только тогда является наукой, когда познает сущность объекта, а под сущностью фактически понимались законы. Получалось, что история, поскольку она не изучает законы общественного развития, не является наукой.

В конце 50-х — начале 60-х гг. выходят новые работы И. С. Кона и А. Шаффа (Польша). И. С. Кон использует понятие исторической закономерности, которая трактуется как сочетание, пересечение объективных исторических законов и создаваемых субъективной деятельностью людей конкретных условий протекания, реализации этих законов. При этом исторические закономерности изучаются всеми общественными науками. Но «теоретические» дисциплины изучают законы общественного развития в теоретической форме, а история — в конкретных условиях исторической действительности. Исходным пунктом позиции А. Шаффа явилось утверждение, что нет явлений, которые содержали бы только необходимые или только случайные элементы, а значит и нет наук, которые бы изучали только необходимое или только случайное. Отсюда делался вывод, что «историография и исторический материализм имеют один и тот же предмет исследования — развитие и законы развития общественной жизни»⁴. А. Шафф, исходя из традиционной на Западе точки зрения, определяющей «предмет науки» как «то, что изучается наукой», т. е. как синоним понятия «объект науки». Но в советской историографии большее распространение получил тезис о том, что самостоятельный статус научной дисциплины определяется самостоятельным статусом ее предмета. Отсюда делался вывод, что несколько наук могут иметь общий объект познания, но каждая из них должна иметь свой предмет, который чаще всего определялся как часть, сторона, аспект и т. п. объекта, включенные в процесс ис-

следования той или иной дисциплины на данном этапе ее развития.

Поэтому в работах Г. Е. Глезермана, В. И. Пришнова и др., авторы воспроизводят идею о том, что предметом исторического материализма являются законы общественного развития, а предметом истории — конкретная историческая действительность⁵. А. В. Гулыга же возвращается к позиции И. С. Кона: «Предметом истории является изучение законов общественного развития в их конкретных проявлениях»⁶.

Дискуссия фактически пошла по кругу. Учитывая сложившуюся ситуацию, Президиум АН СССР поручил Секции общественных наук обсудить возникшие проблемы и выработать единую точку зрения. Такое обсуждение состоялось на расширенных заседаниях Секции 3 и 6 января 1964 г. С докладом «О разработке методологических вопросов истории» выступили П. Н. Федосеев и Ю. П. Францев, которые выдвинули категорию «исторической закономерности», в качестве предмета исторической науки. Эта позиция была поддержана другими участниками дискуссии⁷. Казалось, необходимое согласие было найдено: объективные законы общественного развития оставались в ведении исторического материализма и других «теоретических» наук, а на долю истории выпадало исследование исторических закономерностей.

К раскрытию содержания категории «историческая закономерность» обратился А. В. Гуревич. Прежде всего он отказался от определения исторической закономерности как результата взаимодействия объективных исторических законов и субъективной деятельности людей, которая сама подчинена объективным законам развития общества. Деятельность людей детерминирована не только общественными законами, но и природными условиями, закономерностями биологической и психической жизни человека и т. д. и т. п. То есть, историческая закономерность, в конечном итоге, является результатом пересечения закономерностей разных систем, из которых ведущим для общества безусловно является социально-экономический закон. Исходя из этого, А. Я. Гуревич делает свой вывод: «Историческая закономерность есть детерминированность и причинная связь исторических явлений»⁸. Однако концепция А. Я. Гуревича подверглась критике со стороны А. И. Вербина и П. М. Егидеса. Они не согласились с определением исторической закономерности как причинной связи явлений, ибо по их мнению, все случайные явления и все неповторимые черты также причинно

обусловлены, но это не значит, что они закономерны. Закономерной является не просто причинная связь, а необходимо повторяющаяся причинная связь, т. е. «закономерность» — понятие тождественное понятию «закон». Следовательно, в основе исторической закономерности лежат особые исторические законы, которые и являются предметом исторической науки. Исторический закон так относится к закону социологическому, как особенное к общему, как конкретно-сущностное к абстрактно-сущностному⁹. Эта позиция была поддержана другими учеными¹⁰, но они так и не конкретизировали содержание понятия «исторический закон». Первым попытался это сделать Л. Е. Кертман, который определил исторические законы как «законы исторических ситуаций». Под исторической ситуацией он понимал «взаимоотношение классов, сложившееся в данной стране в определенный период ее истории». Исторические ситуации «складываются в результате совпадения процессов, происходящих в различных сторонах общественной жизни, их синхронизации, взаимодействия, переплетения». Вместе с тем, в разных ситуациях можно выделить общие, повторяющиеся, типичные черты. Этот первый вид абстрагирования и позволяет нам говорить о существовании особых исторических законов, проявлением чего и является общее, повторяющееся, типичное¹¹.

Позиция Л. Е. Кертмана и других сторонников «исторических законов» была подвергнута критике со стороны болгарских ученых, которые отмечали, что термин «исторические законы» правомерен лишь в том смысле, что все общественные законы носят исторический характер. Попытки трактовать «исторический закон» как результат пересечения нескольких закономерностей некорректны, ибо в данном случае с «историческим законом» отождествляется конкретное историческое событие, которое действительно является результатом пересечения нескольких закономерностей. И вообще, понятие общественного закона относится к той или иной сфере человеческой деятельности, а поскольку не существует специфической исторической деятельности (вся деятельность людей исторична), то не существует и специфических «исторических законов»¹².

Однако сторонники «исторических законов» не собирались складывать оружие. В 1975 г. вышло исследование А. К. Уледова, в котором автор утверждал, что нельзя все общественные законы соотносить непременно с теми или

ными конкретными видами деятельности. Обязательно такое соотнесение лишь для системных и подсистемных законов, но оно совершенно не обязательно для надсистемных, т. е. исторических законов. Отличие надсистемных законов от законов системных состоит в том, что вторые выражают существенные связи фиксированных структурных элементов общества, а первые — самые разнообразные их комбинации¹³. В 1976 г. уже Б. Г. Могильницкий замечает, что историческая закономерность не является прямой проекцией общесоциологического закона, и в связи с этим возникает необходимость в понятиях «исторический закон», «историческая необходимость». Конкретизируя в дальнейшем содержание понятия «исторический закон» он в качестве определяющего признака исторического закона выделяет законообразующий характер субъективного фактора (тогда как социологические законы действуют независимо от воли и сознания людей)¹⁴. По мнению М. А. Барга, «исторические» и «социологические» законы являются равно объективными историческими общественными законами и разделение их происходит не по онтологическому, а по гносеологическому признаку: те законы, которые изучаются историей, называются «историческими», а те, которые изучаются социологией, — «социологическими». В основе такого деления лежат различия категории «единичное—особенное—общее». Деление законов на общие (социологические) и особенные (исторические) происходит по стадияльно-региональному признаку: законы социологические действуют во всех регионах и на всех стадиях исторического процесса (нижним их уровнем являются законы формационные), а исторические законы действуют лишь в определенных регионах и на определенных стадиях исторического развития¹⁵.

С позицией М. А. Барга не согласился И. Д. Ковальченко. Основное возражение И. Д. Ковальченко сводилось к тому, что разделение предметов исторического материализма и истории по оси «общее—особенное» возводит искусственные барьеры для этих наук на пути углубления знаний, которое как раз и идет от единичного к особенному, от особенного к общему, от сущностей первого порядка к сущностям второго порядка и т. д. и т. п. На самом деле «при разграничении предметов исторического материализма и истории следует исходить не из того, что познается в общественной жизни этими науками, а из того, как и для чего познаются ее основные проявления, черты и закономерности». То

есть, и история и исторический материализм познают одни и те же законы общественного развития, но история в конкретной форме, а исторический материализм в абстрактной¹⁶.

Исходя из позиции И. Д. Ковальченко, прежде всего необходимо выяснить, в каком смысле производится деление на абстрактное и конкретное. В одном случае под конкретным понимается объективная действительность, а под абстрактным ее «отражение» в сознании. В другом случае разграничение производится уже на уровне самого сознания. Если разделение происходит в первом смысле, то социология никак не может исследовать «чистые» абстракции. Абстракция сама по себе, вне единичного, вне конкретного не существует. Она есть по-сути логический результат исследования конкретного. Порой можно слышать, что изучение абстракций можно вести дедуктивным методом. Но ведь это позиция до-Бэконовской науки! Современный гипотетико-дедуктивный метод рассматривает любую абстракцию лишь как гипотезу, которая нуждается в проверке на эмпирическом материале. То есть, не существует и не может существовать чисто «теоретических» наук, которые занимались бы исследованием «чистых» абстракций. Любая «теоретическая» наука имеет свой эмпирический уровень исследования, свою конкретику. С другой стороны, и история не может оставаться на уровне конкретного. Любой процесс познания — это процесс абстрагирования, любая система знаний — это система абстракций. Таким образом, как не существует чисто «теоретических» наук, так и не существует чисто «эмпирических» наук. Кроме того, непонятно, как понимать «закон в конкретной форме»? Закон — абстрактное понятие, а на уровне конкретного он проявляется в виде закономерной связи явлений. Если же разделение на абстрактное и конкретное происходит на уровне сознания, то здесь отношения между этими категориями носят относительный характер и совпадают с осью «единичное — особенное — общее», ибо в сознании процесс абстрагирования идет от единичного к особенному и общему. Если продолжить процесс абстрагирования дальше, то уже общее выступит в роли конкретного и по отношению к нему будут определены свои уровни особенного и общего. Но относительность категорий «абстрактное — конкретное» проявляется также в том, что особенное по отношению к единичному выступает как абстрактное, а по отношению к общему — как конкретное. И в этом смысле,

если линия разграничения между социологией и историей проходит по оси «абстрактное—конкретное», то предметом спора может быть лишь особенное. Но именно на этом и настаивают сторонники специфических исторических законов.

Вместе с тем, критерием особенного вряд ли может быть стадияльно-региональный признак ибо в пределах одного региона или одной исторической стадии встречается и единичное, и особенное, и общее. Более того, ни один регион, ни одна стадия вообще не являются «особенными», — они всегда «единичны». И вообще, движение по пути «единичное—особенное—общее» — это путь логического обобщения, а движение по пути пространственно-временного расширения это путь эмпирического, количественного обобщения. То есть, обобщение на пути «единичное—особенное—общее» и стадияльно-региональное обобщение лежат в разных плоскостях. Если отвлечься от категорий «единичное—особенное—общее», то можно допустить, что социология изучает общенсторические, над-стадияльно-региональные законы, а история — лишь те законы, которые действуют на отдельных стадиях, и в отдельных регионах. Но почему социологии отказывается в праве проведения исследований на стадияльно-региональном уровне, если, как мы знаем, она «спускается» до уровня микрогрупп и микроколлективов? Также непонятно, почему истории запрещается выходить за пределы стадий или региона? Если же отвлечься от стадияльно-регионального признака, то также может показаться, что в разграничении предметов истории и социологии по оси «единичное—особенное—общее» имеется смысл: обе науки «спускаются» на уровень единичного, но изучают разные виды абстракций: социологию интересует в единичном общее, а история концентрирует свое внимание на его особенностях. Однако дело в том, что нельзя изучать особенное, не выделив одновременно общее, и наоборот. Особенное — это своего рода «остаток» обобщения, определяющий индивидуальность того или иного объекта в ряду ему подобных. То есть, выделение в единичном особенного и общего происходит в рамках одной логической операции. Иллюзия «невыхода» истории на уровень общего возникает из-за того, что общее в системе исторических знаний дано не в «чистом виде», а включено в единую систему «единичного—особенного—общего».

Таким образом, в 50—80-е гг. в марксистской историографии из центральных теоретико-методологических проб-

лем была выдвинута проблема предмета истории. Ее обсуждение путем экспликации понятия «исторический закон» прошло, на наш взгляд, два этапа. На первом в центре внимания оказался вопрос: изучает ли история законы общественного развития? На втором — на передний план выдвинулась проблема: какие законы изучает история? «Дискуссия» не дала унифицированного ответа, но показала, что, во-первых, ни «конкретное», ни «единичное», ни «особенное» не являются специфическими признаками истории. История исследует свой объект и строит систему знаний в единстве категорий «единичное—особенное—общее» и «абстрактное—конкретное». Во-вторых, не существует ни «специфических исторических законов», ни «законов в конкретной форме». И в-третьих, если вообще существуют законы общественного развития, то все они изучаются историей и все они включаются в систему исторических знаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Калашникова В. С. Исторический материализм как наука. — М., 1954; Тепляков М. К. Исторический материализм как наука. — Воронеж, 1956; Кузьмин А. Ф. Исторический материализм как наука. — Л., 1957 и др.

2. Кон Н. К. К вопросу о специфике и задачах исторической науки// Вопросы истории. — 1952. — № 6. — С. 48—64.

3. Овчинников В. С. О взаимоотношении исторического материализма и исторической науки. — Л., 1956; Исторический материализм. — Тбилиси, 1957 и др.

4. Кон Н. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. — М., 1959; Он же. Закономерность историческая//Советская историческая энциклопедия. — Т. 5. — М., 1964. — С. 603—605; Он же. Неопозитивизм и вопросы логики исторической науки//Вопросы истории. — 1963. — № 9. — С. 45—65; Шафф А. Объективный характер законов истории. — М., 1959.

5. Глезерман Г. Е. К вопросу о предмете исторического материализма//Вопросы философии. — 1960. — № 3. — С. 8—22; Он же. О законах общественного развития. — М., 1969; Приписов В. И. О соотношении исторического материализма и исторической науки//Вопросы философии. — 1961. — № 1. — С. 103—113; Рожин В. П. Введение в марксистскую социологию. — Л., 1962; Вопросы марксистской социологии. — Л., 1962.

6. Гулыга А. В. О характере исторического знания//Вопросы философии. — 1962. — № 9. — С. 32.

7. История и социология. — М., 1964; Федосеев П., Францев Ю. История и социология//Коммунист. — 1964. — № 2. — С. 61—74.

8. Гуревич А. Я. Общий закон и конкретная закономерность в истории//Вопросы истории. — 1965. — № 8. — С. 14—30; Он же. Об исторической закономерности//Философские проблемы исторической науки. — М., 1969. — С. 51—79.

9. Вербин А. И., Егидес П. М. О соотношении законов исторического материализма и исторической науки//Вопросы философии. — 1968. — № 2. — С. 110—117.

10. Девянин Н. А. К вопросу об историческом законе как философской категории//Проблемы методологии и логики наук. — Вып. 5. — Ученые записки Томского государственного университета. — № 79. — Томск, 1969. — С. 138—144; Он же. Проблема исторического закона в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса//Там же. — С. 145—153; Косолапов В. В. Методология и логика исторического исследования. — Киев, 1977; Жуков Е. М. О соотношении общесоциологических и исторических закономерностей//Вопросы философии. — 1977. — № 4. — С. 50—61; Он же. Очерки методологии истории. — М., 1987.

11. Кертман Л. Е. Законы исторических ситуаций//Вопросы истории. — 1971. — № 1. — С. 55—68.

12. Попов С. Существуют ли «специфические исторические законы»?//Философские науки. — 1971. — № 6. — С. 147—152; Ирибаджалов Н. Кляно перед судом буржуазной философии. — М., 1972.

13. Уледов А. К. Социологические законы. — М., 1975.

14. Могильницкий Б. Г. О некоторых вопросах методологии истории КПСС//Вопросы истории КПСС. — 1976. — № 6. — С. 11—115; Он же. О природе исторического познания. — Томск, 1978; Он же. Введение в методологию истории. — М., 1989.

15. Барг М. А. Категории и методы исторической науки. — М., 1984; Он же. Исторические закономерности как познавательная цель исторической науки//История СССР. — 1979. — № 1. — С. 97—120.

16. Ковальченко И. Д. Место истории в системе общественных наук//Вопросы истории. — 1987. — № 7. — С. 3—18; Он же. Методы исторического исследования. — М., 1987.